

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ РЕГИОНА

Лариса Александровна ТРЕТЬЯКОВА^{а*}, Татьяна Владимировна ЦЕЛЮТИНА^б

^а доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления персоналом, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация
lora_tretyakova@mail.ru

^б кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация
tselyutina@bsu.edu.ru

* Ответственный автор

История статьи:

Принята 25.09.2015
Одобрена 13.10.2015

УДК 332.1:334.0
JEL: D71, D72, O11, P25, Q01

Ключевые слова: управление, группы интересов, лоббизм, регион, функциональное представительство

Аннотация

Предмет. Статья посвящена трансформации и определению ролевой значимости представительства групповых интересов в системе управления социально-экономическими процессами региона.

Цели. Обосновать механизмы, методы и каналы влияния функционального представительства групп интересов на систему управления социально-экономическими процессами региона.

Методология. Используются диалектико-исторический подход, а также синхронно-сравнительный, системный и структурно-функциональный виды анализа.

Результаты. Определена зависимость результатов управления социально-экономическими процессами в регионе и стратегии устойчивого экономического развития от степени осознанного участия, социальной активности населения и наличия соответствующих институтов функционального представительства групповых интересов, транспарентных механизмов управления территорией.

Выводы. Сделан вывод о том, что институты функционального представительства групповых интересов, являясь неотъемлемой составляющей гражданского общества и одним из важных механизмов его функционирования и развития, играют возрастающую роль в управлении социально-экономическими процессами.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2015

На современном этапе управление социально-экономическими процессами региона характеризуется усложнением форм организации и ускорением этих процессов. Усиливается доминирование двух мощных тенденций – неолиберальной глобализации и тотальной коммерциализации. Наблюдается отработка и совершенствование отношений между социальными общностями и соответственно между выражающими их интересы социальными институтами. Примечательной особенностью современной эпохи является углубленное осознание всеми социальными общностями своих экономических, политических и иных интересов. В результате они превращаются в группы интересов с соответствующим сознанием и поведением. Свои специфические интересы эти общности реализуют в самых различных формах.

В западных странах развитой демократии институты функционального представительства групп интересов стали ключевыми элементами социально-политической и экономической организации гражданского общества. Все более

широкие массы населения в этих странах вовлекаются в общественную жизнь именно благодаря развитости и высокой востребованности представительства групповых интересов. Для Российской Федерации с ее социальными, политическими, экономическими, национальными и другими особенностями задача консолидации общества на консенсусной основе является жизненной необходимостью.

В настоящее время отношение науки к формированию и развитию институтов представительства групповых интересов в российском обществе неоднозначно, что связано отчасти с разнообразием мировой практики, особенно такой институциональной формы представительства, как лоббизм. Но в любой общественной деятельности есть плюсы и минусы. Отношение к такой деятельности зависит от того, чего в ней больше (плюсов или минусов) с точки зрения системных интересов региона. Регионы не могут полноценно функционировать и развиваться без выражения и учета разнообразных групповых интересов. Поэтому важно определить, какие

институты и в каких формах способны наиболее эффективно обеспечить в тех или иных конкретных социально-экономических обстоятельствах данные интересы.

Авторами была проанализирована теория групп интересов А. Бентли, Д. Трумена и М. Олсона, которые рассматривали совокупность действий представительств групп интересов как регулятор жизни государства и общества, как импульс рационального поведения и возникновения интереса и его агрегации и артикуляции в системе распределения благ между общественными группами и внутри них, а также концепция В. Ойкена о формировании нового экономического механизма в переходный период посредством целенаправленной политики регионов с целью обеспечения бесконфликтного саморегулирующегося хозяйственного процесса. Это позволило дать развернутую характеристику понятий «функциональное представительство групповых интересов» и «группы интересов».

Функциональное представительство групповых интересов – это совокупность форм, методов, механизмов взаимоотношений групп интересов и властных структур, один из основных каналов взаимодействия общества и государства, который включает лоббизм во всех его видах и проявлениях, корпоративизм, систему консультаций и экспертиз, механизмы социального партнерства, службы связей с общественностью и другие представительские институты групп интересов.

Базовую основу функционального представительства составляют группы интересов. Наиболее приемлемым для определения группы интересов является широкий функциональный подход: если та или иная совокупность населения включена в политический, социально-экономический процессы посредством артикуляции своих интересов и имеет формальную структуру, то ее можно считать группой интересов. Каждая группа интересов независимо от степени организационной структуры имеет свое социальное и политическое измерение. Если люди не находят институциональных возможностей для артикуляции интересов, то они создают группы. Так возникает основная движущая сила для функционального представительства. Другая, встречная движущая сила возникает, когда структуры общественного управления (прежде всего государственного) стремятся найти решение тех или иных проблем, прежде всего экономического характера.

В современной России наряду с новыми группами интересов (общественными объединениями, политическими партиями и движениями, средствами массовой информации, лоббистскими фирмами, консалтинговыми агентствами, аналитическими центрами и др.) В. Лепехин выделяет традиционные и самые мощные группы интересов – региональные и отраслевые [1, 2].

Региональные группы интересов – явление довольно сложное. О том, какую социальную группу следует считать региональной, можно судить, разобравшись прежде всего в структуре властных отношений в регионах. Например, В. Лепехин предлагает рассматривать региональные группы интересов как конгломераты экономических, финансовых и административно-политических структур большинства субъектов РФ. По сути, смысл данной формулировки практически равнозначен определению политико-финансовой группировки.

Следует отметить, что понятие «правлящий» является во многом условным. Правящая политико-финансовая группировка выступает как единое целое только лишь по отношению к внешнему миру, в действительности же данная группировка состоит из множества подгрупп, которые представляют собой самостоятельные группы интересов, ведущие борьбу за влияние на лидера региона, а также перераспределение власти и ресурсов на внутрорегиональном уровне. Поэтому такие группировки могут рассматриваться в основном как обычные экономические или политические группы давления местного значения, представляющие интересы определенной группы лиц в сфере ее деятельности. Не исключено, что такие группы интересов могут выходить с различными инициативами на федеральный уровень, хотя в данном случае они представляют свою организацию, а не регион. Они также могут выступать как представители региона, если власть им передает определенную долю полномочий в отстаивании некоторой части интересов региона. Руководство подобных образований, как правило, входит в «клиентелу» регионального лидера. Примером такой корпоративистской модели представления интересов, основанной на соглашениях между государственными органами власти и общественными структурами, когда последним предоставляются особые права по отстаиванию своих интересов под контролем власти, является взаимодействие органов власти Белгородской области и Белгородской торгово-промышленной палаты.

Давая оценку теоретическим положениям о корпорации как о группе интересов, хотя и весьма специфической, С. Перегудов, Н. Лапина и И. Семененко подчеркивают, что данные рассуждения «в значительной мере применимы к территориальным образованиям (регионам), для которых защита интересов региона перед центральной властью (в получении и перераспределении ресурсов, расширении политической самостоятельности, предоставлении благоприятных условий экономической деятельности «своему» бизнесу и льгот «своему» населению) является важным направлением деятельности и позволяет говорить о регионах как о группах интересов» [3].

Таким образом, с учетом приведенных аргументов авторы предлагают считать региональной группой интересов правящую политико-финансовую группировку определенного субъекта Российской Федерации, которая формируется вокруг политического лидера, а также не только институционализирует интересы региона как целого, но и несет всю полноту ответственности за социальную и экономическую стабильность на данной территории. Региональные группы интересов играют существенную роль в жизни общества, но только тогда, когда в структуре интересов региональных группировок главенствующее место занимают интересы субъекта Федерации как обобщенного выражения интересов его жителей, а не узкокорпоративные интересы руководящей группы. Причины возникновения этих групп исследуются в рамках теории групп интересов довольно часто. Основные причины возникновения групповых интересов представлены на рис. 1.

По мнению авторов, наибольший интерес представляет теория социального порядка и конфликта, которая связана с именем Д. Трумена и изложена в его книге «Управленческий процесс». Согласно теории социального порядка и конфликта человек по своей социальной роли является членом какой-либо группы (профессиональной, этнической и т.д.). Если группа лиц с совпадающими взглядами достигает определенной численности, возникает потребность в процедурах, регулирующих ее активность, а также внутренние и внешние конфликты. При организации групп люди руководствуются принципами солидарности и взаимопомощи. Группы со своей стороны вынуждены обращаться в определенные моменты к властям в связи с конфликтами и другими проблемами. Таким образом, возникновение групп интересов – это естественный результат

социального взаимодействия. В то же время любая группа не застрахована от внутренних конфликтов, так как полного совпадения интересов быть не может. Чем больше численность группы интересов, тем меньше возможность совпадения позиций ее членов. Чем больше формализованы отношения в группе, тем больше вероятность конфликта между руководителями и рядовыми членами группы [4].

Не менее актуален вопрос о механизме и стадиях (фазах, этапах) формирования групп интересов. Наиболее действенные, по мнению авторов, этапы становления и развития групп интересов представлены на рис. 2.

Следует отметить, что наиболее сложный этап в деятельности группы – этап артикуляции интересов. Затем наступает этап реализации интересов. Чем больше частные интересы соотносятся с общественными, государственными и национальными, тем успешнее группа интересов выполняет свои функции. Соответствие интересов зависит от взаимодействия обеих сторон, то есть и группы, и органов власти. Характер методов, с помощью которых достигается такое соответствие, свидетельствует об уровне демократизации общества и способствует ее совершенствованию. Как справедливо отмечают американские ученые Дж. Скидмор и М.К. Грипп, группы интересов позволяют гражданам объединить свои ресурсы для общей цели, борьба за которую оправдывает, по их мнению, затраты энергии и средств [5]. Это позволяет сделать вывод о том, что при прочих равных условиях интересы, поддерживаемые организациями, имеют больше шансов на успех, чем без такой поддержки. Успех в значительной степени зависит от эффективности деятельности соответствующей организации, имеющихся у нее ресурсов и их результативного использования в нужных местах и в нужное время.

Институты общественного представительства выполняют следующие важные функции в социально-экономической системе:

- посредничество между гражданами и государственными учреждениями;
- укрепление общественного порядка;
- обеспечение коммуникации граждан и общественных структур;
- ограничение давления на процесс принятия управленческих решений;
- выражение общественной дифференциации;

- привлечение граждан к участию в конкретных политических и экономических мероприятиях;
- конкретизация демократических принципов участия в управлении;
- обеспечение органов власти необходимой информацией;
- трансформация интересов в конкретные требования;
- подтверждение легитимности структур государственной власти (рис. 3).

Таким образом, можно определить функции групп по артикуляции интересов, их объединению, селекции в политической интеграции общества, в коммуникации граждан и властных структур, бизнеса, в участии граждан в конкретных политических, экономических мероприятиях, в укреплении общественного порядка, в придании легитимности деятельности структур власти. Функции групп интересов в социально-экономической системе многогранны и охватывают все составные части этой системы.

Типология (классификация групп) – один из самых трудных методологических аспектов теории групп. Существует более 20 возможных критериев типологии, из которых 3 критерия используются чаще всего:

- 1) вид (род) интересов;
- 2) степень организованности группы;
- 3) сфера (поле) деятельности.

Важно, что большинство групп интересов принадлежит к экономической сфере (предпринимательские объединения и объединения самостоятельных категорий работников; профсоюзы, потребительские союзы и др.), и им, как правило, власти уделяют повышенное и первостепенное внимание. Более пристального внимания заслуживают группы интересов в административно-управленческих структурах, прежде всего потому, что они являются основными адресатами импульсов всех других групп интересов в обществе, составляют регулируемую основу функционального представительства.

Представительство групповых интересов превращается в настоящее время в определенную систему со множеством элементов, многие из которых имеют институционализированный характер (рис. 4). Центральным элементом в этой системе, по мнению авторов, выступает институт лоббирования групповых интересов. Лоббизм – это социально-политический институт, действующий

по преимуществу в законодательных и исполнительных структурах государственной власти [6].

Проблематика трансформации функционального представительства групп интересов в управлении социально-экономическими процессами стимулирует появление многочисленных интерпретаций и дополнений. *Во-первых*, в трансформирующейся, оптимальной модели представительства групповых интересов заложены особенности экономического, технического, культурно-исторического, и, конечно, социально-правового развития общества. *Во-вторых*, система современного представительства групповых интересов изменяется не только под воздействием внутренних факторов, но и под воздействием глобализации общественных процессов. *В-третьих*, институты функционального представительства в различных регионах находятся на стадии формирования или на первых (рисковых) этапах развития, а важнейшие из них (институт лоббирования групповых интересов и консультационно-экспертные институты) остаются вне сфер системного и результативного нормативно-правового регулирования [6].

Анализ концепций и моделей лоббизма (прежде всего плюралистической и корпоративской) позволил авторам статьи сделать следующие выводы:

- лоббизм в настоящее время в значительной степени способствует созданию определенного баланса сил в обществе, который создают группы интересов, отражающие в свою очередь мнение широких слоев общества с самых различных точек зрения. Таким образом, лоббизм действительно содействует достижению политического консенсуса в обществе, создавая условия для того, чтобы политики и представители государственной власти имели представление о позициях различных промышленных лобби, многочисленных союзов, ассоциаций и других добровольно сформировавшихся групп, то есть значительной части гражданского общества еще до принятия законов и правительственных решений, которые касаются непосредственных интересов этих групп;
- расширяя информационную и организационную базу принимаемых решений, лоббизм предоставляет возможность законодателям и исполнительной власти оценивать вероятные экономические и социальные последствия предлагаемых решений до их окончательного

утверждения и вступления в силу, избегать опрометчивых, непопулярных решений и в то же время заостряет внимание на определенных, требующих безотлагательного решения проблемах;

- современный лоббизм способствует формированию механизма, с помощью которого законодательная и исполнительная власть получают возможность ознакомиться с мнением широкого круга экспертов для расширения информационной и организационной базы решений. Лоббизм оказывает влияние на управленческие структуры и заставляет их «держаться в форме». Между лоббистскими и управленческими структурами возникает своеобразное соревнование, способствующее, как правило, улучшению работы обеих структур и совершенствованию их организации [7, 8].

Лоббизм способствует до некоторой степени преодолению бюрократизма, волокиты и коррупции во властно-управленческих структурах. Деятельность одной лоббистской структуры может стать предметом разоблачения со стороны других лоббистских структур. Лоббизм становится инструментом самоорганизации гражданского общества, предоставляя гражданам возможности для самовыражения в процессе решения конкретных задач и потребностей путем вхождения в группы интересов по «проталкиванию» какого-либо законопроекта или административного действия.

Лоббизм выступает в роли катализатора процессов во всех сферах общественной жизни. Без него в современном демократическом обществе немислимы серьезная экономическая деятельность и представительство интересов бизнеса. Лоббизм создает возможности для обеспечения интересов меньшинства, которое может с помощью лоббистской деятельности искать, требовать и просить. Возможно, в ближайшем будущем проблема критически низкой социальной активности населения и бизнеса по обеспечению собственного качества жизни будет стоять не так остро. Но, несмотря на то что лоббизм является важнейшим демократическим институтом, он имеет ряд негативных последствий.

Граница между законным лоббизмом и коррупцией довольно прозрачна. Случается, что лоббисты, не достигнув поставленных целей узаконенными средствами, идут на подкуп, шантаж и другие неправовые действия. Назвать их преступными видами лоббизма неоправданно, поскольку это уже не лоббизм, а коррупция, и социальное измерение

здесь должно быть уже иное, прямо противоположное.

В погоне за прибылью лоббистские структуры могут оказать иностранному государству услуги в ущерб национальным интересам, поэтому во всех законодательных и административных актах, разрешающих лоббизм, прописаны особые строгости по этому поводу.

Кроме того, лоббистская деятельность действительно блокирует необходимые управленческие решения или принятие назревших законов. Особенно опасны мощные лоббистские структуры в кризисных ситуациях переходного периода, когда они навязывают правительству свои узкогрупповые интересы. В настоящее время это актуально для регионов России.

Авторы публикации «Лоббизм в России: этапы большого пути», обобщая мировой опыт разработки понятия «лоббистская структура», дали наиболее современную и развернутую характеристику этой структуры [9, 10]. Лоббистская структура представляет собой довольно сложное образование (рис. 5).

Можно выделить следующие наиболее эффективные формы взаимодействия групп интересов как коммерческих, так и общественных объединений и других некоммерческих и негосударственных организаций с государственными органами, а именно:

- различные круглые столы;
- конференции, симпозиумы, семинары с участием представителей общественности, выборных должностных лиц, государственных служащих, ученых по обсуждению насущных проблем;
- рассылка в государственные органы аналитических и информационных материалов, не связанных с принятием какого-либо конкретного решения и не являющихся материалами непосредственного лоббистского характера;
- организация встреч представителей государственных органов с зарубежными экспертами;
- включение представителей государственных органов в состав делегаций, отправляющихся за рубеж по инициативе общественных объединений;
- проведение усилиями общественных организаций и иных некоммерческих, негосударственных

организаций курсов повышения квалификации для госслужащих и выборных должностных лиц;

- осуществление консультационных и экспертных работ по заказам госорганов и т.д.

Чем активнее негосударственная организация сотрудничает с госструктурами, тем легче лоббистам из такой организации работать в данных государственных учреждениях, а группам интересов – решать свои повседневные и программные вопросы [11, 12].

Второй по значению после лоббизма моделью представительства интересов является корпоративизм (некорпоративизм). Отличие нового корпоративизма («либерального») от старого состоит в том, что взаимодействие корпоративных ассоциаций как разновидности групп интересов с государством является добровольным, хотя они и встроены в государственные структуры.

Российские ученые подключились к разработке концепции некорпоративизма только в 1990-е гг. Обобщая опыт западных коллег, С. Перегудов подчеркивает, что при всех порой существенных различиях во мнениях ученые едины в том, что «корпоративизм – это особый вид взаимодействия между группами интересов (организации, представляющие бизнес и профсоюзы) и государством, при котором его участники вырабатывают согласованные рекомендации и решения и участвуют в их реализации» [13, 14].

Трансформация социального партнерства многогранна. И. Семененко, характеризуя динамику «неоконсервативной волны», приходит к заключению, что различные апробированные варианты участия наемных работников в управлении производством постепенно вытеснялись за счет упрочения «демократии собственников». Суть «нового консенсуса» в сфере трудовых отношений заключалась уже не в поиске форм примирения противоположных интересов работников и работодателей, а в выработке единой системы интересов для поддержания социального консенсуса в обществе в целях достижения лучших экономических результатов. При этом государство, используя национальное трудовое законодательство, оставляет за собой право задавать общие параметры развития рынка труда и тем самым влиять на социальную стабильность [15, 16]. В настоящее время специалисты с большим вниманием изучают некорпоративизм как политический институт, нежели как вид представительства интересов.

Усиление корпоративизма объясняется обострением конкурентной борьбы и ростом социальной напряженности в связи с глобализацией и, в частности, с интеграцией в европейском регионе. Государства стремятся ослабить действие негативных факторов с помощью более интенсивного использования механизмов согласования интересов.

Одним из растущих и перспективных видов функционального представительства интересов является консультационная система. Наблюдается следующая закономерность: чем больше усложняются общество и сферы его функционирования, тем больше нужны консультационные службы. Огромное разнообразие потребностей общества в обновлении производства, товаров, в услугах, информации, постоянно существующая проблема выбора оптимального решения, надежного делового партнера, необходимость в квалифицированных прогнозах – вот основные причины, которые обусловили развитие консультационной системы.

Наряду с органами совещательной системы в развитых регионах существует широкая сеть частных консультационных и экспертных фирм. Одним из сложнейших видов консультационного бизнеса является консультирование по вопросам управления (или управленческое консультирование), которое в развитых западных странах признано важной профессиональной службой. В широко известной книге «Управленческое консультирование» под редакцией М. Кубра содержится следующее определение: управленческое консультирование – это консультативная служба, работающая по контракту и оказывающая услуги организациям с помощью специально обученных и квалифицированных лиц, которые помогают организации-заказчику выявить управленческие проблемы, проанализировать их, дают рекомендации по решению этих проблем и содействуют при необходимости выполнению решений [17, 18].

Важная специфическая черта управленческого консультирования состоит в том, что консультанты преимущественно дают советы, но не обладают властью. Они отвечают лишь за качество совета. Ответственность за принятие решения на основе совета несут клиенты. Следовательно, консультативная служба – это прежде всего совещательная служба, которая может осуществлять представительство интересов. Для повышения эффективности работы государственного аппарата целесообразно также

привлекают консультантов по управлению частными фирмами.

В настоящее время роль управленческого консультирования растет, так как властные структуры находятся под экономическим и социальным давлением, вынуждающим искать пути повышения эффективности управления.

Важнейшей составной частью консультативной системы является экспертная (оценочная) аналитическая деятельность с привлечением экспертов, которые проводят анализ, дают оценку объектам экспертизы (социальным и природным ситуациям, программам, проектам, результатам деятельности людей или организаций) и готовят материал для обоснования принимаемых решений в условиях частичной неопределенности. Следует отметить, что методы экспертизы совпадают с работой консультативной службы. В связи с этим необходимо подчеркнуть специфику экспертизы как инструмента представительства интересов.

Во-первых, результат проведения экспертизы – это заключение, отражающее как согласованные, так и частные мнения экспертов. Они содержат по возможности объективные данные об особенностях и свойствах объекта экспертизы с точки зрения цели, поставленной перед экспертами, и рекомендации о предпочтительных вариантах решений, касающихся данного объекта.

Во-вторых, эксперт – это носитель специальных знаний или практического опыта, он наделен определенными правами и выполняет определенную ролевую функцию, обусловленную ориентацией на определенный результат, который хотят получить те, кто заказывает экспертизу. Роль экспертов могут выполнять носители знаний, опыта и интересов.

В-третьих, эксперты могут сознательно или неумышленно исказить свои заключения. Это очень сложная проблема всех экспертных служб мира. Борьба с этим крайне сложно, хотя каждая страна пытается делать это по-своему. Результаты экспертизы часто бывают неудовлетворительными для тех, кто ее заказывал. Из этого положения есть только два пути: или принять результаты, или обратиться в вышестоящие инстанции за назначением новой экспертизы. Однако находят и третий путь. В нарушение принципа однократности заинтересованные власти проводят экспертизу до тех пор, пока не получают «нужное» заключение. Из-за ангажированности эксперта нарушается основной смысл экспертизы – незаинтересованное решение.

Одна из основных задач современной мировой и российской экспертологии заключается в том, чтобы продолжать формирование парадигм (определенных совокупностей признанных всеми научных достижений), которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений.

Представительство групповых интересов может осуществляться и с помощью других учреждений и организаций, которые принадлежат или к сфере услуг (публик рилейшнз), или к социологическим службам (центрам опроса общественного мнения).

Паблик рилейшнз (служба связи с общественностью) пока не имеет единого определения. В настоящее время таких определений насчитывается более 500, что не удивительно. По определению энциклопедического словаря, это «специализированная деятельность государственных и иных организаций, обеспечивающих установление взаимопонимания и доброжелательности между организациями, осуществляющими паблик рилейшнз (англ. Public Relations – связь с публикой), в том числе правительственными, и людьми, социальными группами – организациями, на которых обращена эта деятельность. Паблик рилейшнз реализуется путем распространения разъяснительного материала, предоставления информации и контактов, что подразумевает доверительный характер отношений [19, 20].

Кроме рассмотренных основных видов функционального представительства группы интересов используют и другие, самые различные общественные и государственные институты. Чем масштабнее такое использование и чем разнообразнее взаимодействие групп интересов с государством, тем меньше возможностей воздействия на него у мощных экономических структур посредством лоббирования.

Следует отметить, что авторы теории групп интересов и концепции функционального представительства видели прямую взаимосвязь деятельности групп интересов и общественного управления. И не случайно основные работы А. Бентли, Д. Трумена и их последователей посвящены изучению управленческого процесса. Теория и концепция функционального представительства возникли в результате анализа процесса управления, где функциональное представительство выступает как определяющий фактор государственной политики в социально-экономической сфере, политики, способствующей

укреплению демократии и стабильности общественного строя, укрепления честной экономики.

Одна из ведущих функций групп интересов в социально-экономической системе определенного региона заключается в том, что группы формируют, направляют, объединяют и выражают коллективные требования и тем самым дают возможность работникам госслужбы, бизнеса и других составных частей общественного управления принимать решения, которые по сути и форме в наибольшей степени соответствуют реальности [21].

Характеристика групп интересов позволяет сделать вывод о том, что они возникают по объективным причинам и если не находят институциональных возможностей для артикуляции интересов, то создают их. Так проявляется основная движущая сила функционального представительства. Другая, встречная движущая сила образуется в результате стремления структур государственного управления найти решения тех или иных проблем. Такие решения, порой взаимоисключающие, могут дать только разнообразные группы интересов. Даже когда руководитель или инстанция уже знают, как решить проблему, и приняли решение, они нуждаются в сравнении, одобрении или аргументации их решения («за» или «против»). В любом случае базой для взаимодействия общества, бизнеса и властных структур являются группы интересов.

Анализ институтов системы функционального представительства групповых интересов и их трансформации, места и роли в системе управления социально-экономическими процессами позволяет сделать ряд выводов:

- 1) группы интересов и их стремительно усложняющаяся совокупность в связи с глобализацией, коммерциализацией и информационной революцией составляют базовую основу функционального представительства. Они ищут и находят наиболее эффективные формы, методы и каналы представительства своих интересов;
- 2) наиболее эффективной, развитой и прямой формой представительства интересов является плюралистическая модель лоббизма, основанная на свободной правовой конкуренции групп интересов в артикуляции и реализации своих интересов и целей при заинтересованной арбитражной роли государства и положительном

отношении общества к этому явлению. Лоббизм и практика его осуществления (лоббирование) – это основная составная часть функционального представительства, которое имеет свои особенности в каждом регионе в зависимости от конкретных социально-экономических условий;

- 3) лоббизм в современных условиях приобретает особую значимость, способствует реализации гражданских прав членов общества, что создает условия для того, чтобы политики и сотрудники государственной службы имели представление о позициях многочисленных союзов, ассоциаций, объединяющих группы интересов, то есть значительной части гражданского общества еще до принятия законов, нормативных актов и административных решений. В то же время лоббизм во всех его проявлениях дает возможность законодательной и исполнительной власти заранее оценивать экономические и социальные последствия предлагаемых решений, тем самым позволяет расширять информационную и организационную основы принимаемых решений, что в принципе оптимизирует управленческий процесс. Это действенный шаг к «экономике для народа». Оказывая влияние на управленческие структуры, лоббизм заставляет их «держаться в форме», ждать постоянной ответной реакции. Между лоббистскими и управленческими структурами возникает своеобразное соревнование, способствующее, как правило, совершенствованию организационных форм обеих структур, что непосредственно проявилось в ходе реформ государственной службы во многих странах. Лоббизм является одним из средств борьбы с бюрократизмом и коррупцией во властно-управленческих структурах;
- 4) непосредственное влияние на государственное управление оказывают такие составные части представительства групповых интересов, как неокорпоративизм, консультативно-экспертная система и служба по связям с общественностью. Они не только оказывают влияние на органы государственной власти, но и соучаствуют в управленческом процессе;
- 5) современный управленческий процесс невозможен без успешно трансформирующихся институтов представительства групповых интересов, информационно-аналитические действия которых направлены на создание успешной внутренней и внешней среды для реализации любого проекта.

Рисунок 1

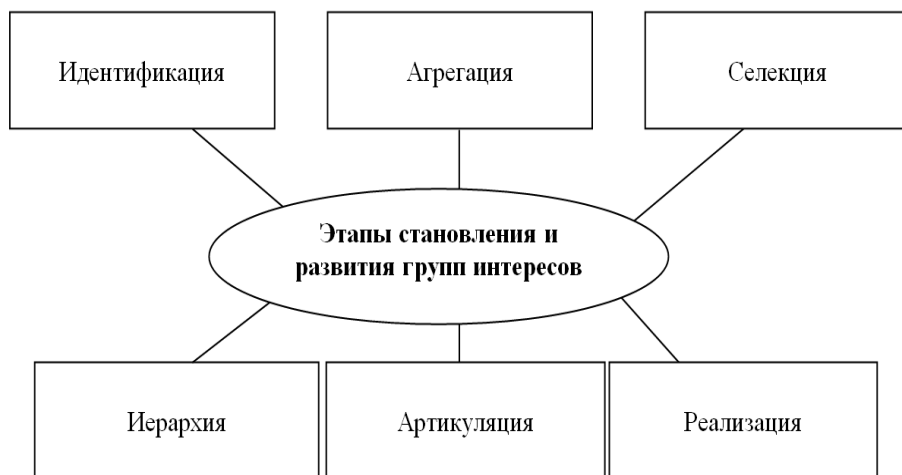
Причины возникновения групповых интересов

Источник: авторская разработка

Рисунок 2

Основные этапы развития групп интересов

Источник: авторская разработка

Рисунок 3

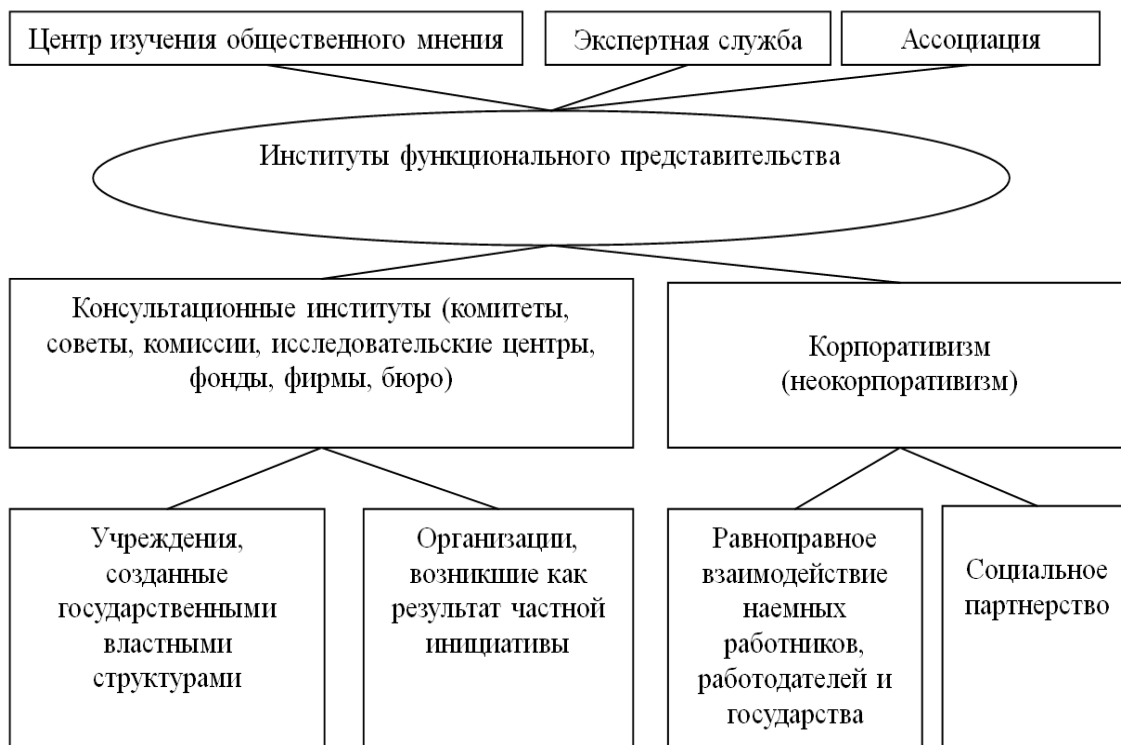
Функции групп интересов

Источник: авторская разработка

Рисунок 4

Институты функционального представительства групп интересов

Источник: авторская разработка

Рисунок 5

Основные элементы лоббистской структуры

Источник: авторская разработка

Список литературы

1. *Padilla-Perez R.* A Regional Approach to Study Technology Transfer Through Foreign Direct Investment: the Electronics Industry in Two Mexican Regions // *Research Policy*. 2008. Vol. 37. № 5. P. 849–860. doi: 10.1016/j.respol.2008.03.003
2. *Каменецкий М.И., Яськова Н.Ю.* Административный ресурс как фактор повышения эффективности системы государственного управления // *Проблемы прогнозирования*. 2015. № 2. С. 33–42.
3. *Гулбоа И., Постлуэйт Э., Самуэльсон Л., Шмайндлер Д.* Экономические модели как аналогии // *Вопросы экономики*. 2015. № 4. С. 106–130.
4. *Ireland R.D., Hitt M.A., Sirmon D.G.* A model of strategic entrepreneurship: The construct and its dimensions // *Journal of Management*. 2003. Vol. 29. № 6. P. 963–989. doi: 10.1016/S0149-2063_03_00086-2
5. *Татаркин А.И., Дорошенко С.В.* Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система // *Экономика региона*. 2011. № 1. С. 15–23.
6. *Дубиненкова Е., Иванова Н.* Внедрение инноваций в сфере государственного управления: проблемы и факторы // *Вопросы управления*. 2014. № 4. С. 33–44.
7. *Ball L., Mankiw N. G.* The NAIRU in Theory and Practice // *Journal of Economic Perspectives*. 2002. Vol. 16. № 4. P. 115–136. doi: 10.1257/089533002320951000
8. *Окрепилов В.В.* Роль стандартизации в устойчивом развитии сообществ // *Проблемы прогнозирования*. 2015. № 1. С. 3–10.
9. *Yadav M.S., Prabhu J.C., Chandy R.K.* Managing the Future: CEO Attention and Innovation Outcomes // *Journal of Marketing*. 2007. Vol. 71. № 4. P. 84–101. doi: 10.1509/jmkg.71.4.84
10. *Li Ci-Rong, Lin Chen-Ju, Huang Han-Chen.* Top management team social capital, exploration-based innovation, and exploitation-based innovation in SMEs // *Technology Analysis and Strategic Management*. 2014. Vol. 26. № 1. P. 69–85. doi: 10.1080/09537325.2013.850157
11. *Lazonick W., O'Sullivan M.* Maximizing Shareholder Value: a New Ideology for Corporate Governance // *Economy and Society*. 2000. Vol. 29. № 1. P. 13–35. doi: 10.1080/030851400360541

12. *Mandarano L., Paulsen K.* Governance capacity in collaborative watershed partnerships: evidence from the Philadelphia region // *Journal of Environmental Planning and Management*. 2011. Vol. 54. № 10. P. 1293–1313. doi: 10.1080/09640568.2011.572694
13. *Razmi A., Blecker R.* Developing Country Exports of Manufactures: Moving Up the Ladder to Escape the Fallacy of Composition? // *Journal of Development Studies*. 2008. Vol. 44. № 1. P. 21–48. doi: 10.1080/13562570701722113
14. *Mohun S.* Aggregate Capital Productivity in the US Economy, 1964-2001 // *Cambridge Journal of Economics*. 2009. Vol. 33. № 5. P. 1023–1046. doi: 10.1093/cje/ben045
15. *Вавилов С.Ю., Хачатуров А.Е.* Стратегическое планирование как программа долгосрочного развития и адаптации ключевых компетенций компании // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2013. № 1. С. 4–17.
16. *Roche J.C., Tirole J.* Platform competition in two-sided markets // *Journal of European Economic Association*. 2003. Vol. 1. № 4. P. 990–1029. doi: 10.1162/154247603322493212
17. *López I., Rodríguez E.* The Spanish Model // *New Left Review*. 2011. May–June. P. 5–28.
18. *Mulhern F.J., Williams J.D., Leone R.P.* Variability of Brand Price Elasticities across Retail Stores: Ethnic, Income and Brand Determinants // *Journal of Retailing*. 1998. Vol. 74. № 3. P. 427–446. doi: 10.1016/S0022-4359(99)80103-1
19. *Кудряшов В.В.* Правовые аспекты финансирования Европейским союзом инициативы России – ЕС «Партнерство для модернизации» // *Вопросы экономики и права*. 2015. № 2. С. 59–69.
20. *Soliman W., Tuunainen V.K.* Understanding continued use of crowdsourcing systems: An interpretive study // *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*. 2015. Vol. 10. № 1. P. 1–18. doi: 10.4067/S0718-18762015000100002
21. *Hult T.M.* Toward a theory of the boundary-spanning marketing organization and insights from 31 organization theories // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2011. Vol. 39. № 4. P. 509–536. doi: 10.1007/s11747-011-0253-6

**TRANSFORMATION OF FUNCTIONAL REPRESENTATION OF INTEREST GROUPS
IN THE MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES IN THE REGION**

Larisa A. TRET'YAKOVA^{a,*}, Tat'yana V. TSELYUTINA^b

^aBelgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation
lora_tretyakova@mail.ru

^bBelgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation
tselyutina@bsu.edu.ru

* Corresponding author

Article history:

Received 25 September 2015
Accepted 13 October 2015

JEL classification: D71, D72,
O11, P25, Q01

Keywords: interest groups,
functional representation, region,
lobbyism, management

Abstract

Importance The article considers the issues of transformation and determination of the role relevance of group interests' representation in the management of socio-economic processes in the region.

Objectives The paper aims to justify the mechanisms, methods and channels of influence of functional representation of interest groups on the control system of socio-economic processes in the region.

Methods For the study, we used a dialectic historical approach, synchronous-and-comparative, systems, and structural-and-functional analyses.

Results We determined the dependence of the results of socio-economic processes in the region and the strategy of sustainable economic development on the degree of informed participation, social participation and the availability of appropriate institutions of functional representation of group interests, transparent mechanisms for the administration of the territory.

Conclusions and Relevance We conclude that the institutions of functional representation of group interests, as an integral part of civil society and an important mechanism for its functioning and development, play an increasingly important role in the management of socio-economic processes.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2015

References

1. Padilla-Perez R. A Regional Approach to Study Technology Transfer through Foreign Direct Investment: The Electronics Industry in Two Mexican Regions. *Research Policy*, 2008, vol. 37, no. 5, pp. 849–860. doi: 10.1016/j.respol.2008.03.003
2. Kamenetskii M.I., Yas'kova N.Yu. Administrativnyi resurs kak faktor povysheniya effektivnosti sistemy gosudarstvennogo upravleniya [Administrative resource as a factor of increase of the public administration system's effectiveness]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2015, no. 2, pp. 33–42.
3. Gilboa I., Postlueit E., Samuel'son L., Shmaidler D. Ekonomicheskie modeli kak analogii [Economic Models as Analogies]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 4, pp. 106–130.
4. Ireland R.D., Hitt M.A., Sirmon D.G. A Model of Strategic Entrepreneurship: The Construct and Its Dimensions. *Journal of Management*, 2003, vol. 29, no. 6, pp. 963–989. doi: 10.1016/S0149-2063_03_00086-2
5. Tatarkin A.I., Doroshenko S.V. Region kak samorazvivayushchayasya sotsial'no-ekonomicheskaya sistema [Region as a spontaneous social and economic system]. *Ekonomika regiona = The Region's Economy*, 2011, no. 1, pp. 15–23.
6. Dubinenkova E., Ivanova N. Vnedrenie innovatsii v sfere gosudarstvennogo upravleniya: problemy i faktory [The implementation of innovation in the sphere of civil service: problems and factors]. *Voprosy upravleniya = Management Issues*, 2014, no. 4, pp. 33–44.
7. Ball L., Mankiw N.G. The NAIRU in Theory and Practice. *Journal of Economic Perspectives*, 2002, vol. 16, no. 4, pp. 115–136. doi: 10.1257/089533002320951000
8. Okrepilov V.V. Rol' standartizatsii v ustoichivom razvitii soobshchestv [A role of standardization in the sustainable development of communities]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2015, no. 1, pp. 3–10.

9. Yadav M.S., Prabhu J.C., Chandy R.K. Managing the Future: CEO Attention and Innovation Outcomes. *Journal of Marketing*, 2007, vol. 71, no. 4, pp. 84–101. doi: 10.1509/jmkg.71.4.84
10. Li Ci-Rong, Lin Chen-Ju, Huang Han-Chen. Top Management Team Social Capital, Exploration-Based Innovation, and Exploitation-Based Innovation in SMEs. *Technology Analysis and Strategic Management*, 2014, vol. 26, no. 1, pp. 69–85. doi: 10.1080/09537325.2013.850157
11. Lazonick W., O’Sullivan M. Maximizing Shareholder Value: a New Ideology for Corporate Governance. *Economy and Society*, 2000, vol. 29, no. 1, pp. 13–35. doi: 10.1080/030851400360541
12. Mandarano L., Paulsen K. Governance Capacity in Collaborative Watershed Partnerships: Evidence from the Philadelphia Region. *Journal of Environmental Planning and Management*, 2011, vol. 54, no. 10, pp. 1293–1313. doi: 10.1080/09640568.2011.572694
13. Razmi A., Blecker R. Developing Country Exports of Manufactures: Moving Up the Ladder to Escape the Fallacy of Composition? *Journal of Development Studies*, 2008, vol. 44, no. 1, pp. 21–48. doi: 10.1080/13562570701722113
14. Mohun S. Aggregate Capital Productivity in the US Economy, 1964–2001. *Cambridge Journal of Economics*, 2009, vol. 33, no. 5, pp. 1023–1046. doi: 10.1093/cje/ben045
15. Vavilov S.Yu., Khachaturov A.E. Strategicheskoe planirovanie kak programma dolgosrochnogo razvitiya i adaptatsii klyuchevykh kompetentsii kompanii [Program for long-term development and adaptation of corporate core competencies as an approach in long-term strategic planning]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and Abroad*, 2013, no. 1, pp. 4–17.
16. Roche J.C., Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets. *Journal of European Economic Association*, 2003, vol. 1, no. 4, pp. 990–1029. doi: 10.1162/154247603322493212
17. López I., Rodríguez E. The Spanish Model. *New Left Review*, 2011, May–June, pp. 5–28.
18. Mulhern F.J., Williams J.D., Leone R.P. Variability of Brand Price Elasticities across Retail Stores: Ethnic, Income and Brand Determinants. *Journal of Retailing*, 1998, vol. 74, no. 3, pp. 427–446. doi: 10.1016/S0022-4359(99)80103-1
19. Kudryashov V.V. Pravovye aspekty finansirovaniya evropeiskim soyuzom initsiativy Rossii – ES “Partnerstvo dlya modernizatsii” [Legal aspects of European Union’s financing of the Russia – EU ‘Partnership for Modernization’ initiative]. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and Law Issues*, 2015, no. 2, pp. 59–69.
20. Soliman W., Tuunainen V.K. Understanding Continued Use of Crowdsourcing Systems: An Interpretive Study. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, 2015, vol. 10, no. 1, pp. 1–18. doi: 10.4067/S0718-18762015000100002
21. Hult T.M. Toward a Theory of the Boundary-Spanning Marketing Organization and Insights from 31 Organization Theories. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 2011, vol. 39, no. 4, pp. 509–536. doi: 10.1007/s11747-011-0253-6